

ЮВЕЛИРНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ ДИЗАЙНЕР СОЛАНЖ АЗАГУРИ-ПАРТРИДЖ АЛЕКСЕЙ ПАНТЫКИН

«Я вовсе не эксцентрична, просто люблю жизнь больше, чем другие. Я как электрический скат среди сонных сомов» — эту знаменитую фразу британского поэта и литератора Дамы-Командора Эдит Ситуэлл можно отнести и к Соланж Азагури-Партридж, по крайней мере, к тому, что она делает вот уже 25 лет. «Ее работы поразительно остроумные и одновременно удивительно личные»; «она растворяется в каждом украшении, в каждой вещи чувствует ее присутствие»; «ее ювелирные украшения, как и она сама, свободные и утонченные, дикие и рафинированные, полны жизненной силы, они говорят на своем собственном языке»; «она самый выдающийся дизайнер своего поколения» — все это сказано о ювелирном дизайнере, не имеющем профессионального образования, ювелирном дизайнере, чьи работы хранятся в парижском Музее декоративного искусства и лондонском Музее Виктории и Альберта. Дочь марокканских евреев, эмигрировавших из Касабланки в Лондон в 1960-х, Соланж изучала лингвистику, но увлеклась совсем другим. Она успела поработать в знаменитой лондонской марке бижутерии Butler & Wilson, а затем у антикварного дилера Гордона Уотсона, специализировавшегося на предметах интерьера. В 1987 году Соланж пыталась найти кольцо для своей помолвки: «Я никак не могла найти то, что мне хотелось надеть. Такое ощущение, что все было сделано только для старых дам». Пришлось придумать

